

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ В БРИКС И ПЕРСПЕКТИВЫ МНОГОСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА*

DOI: <https://doi.org/10.24891/iaajhi>

EDN: <https://elibrary.ru/iaajhi>

Александр Александрович ИГНАТОВ

кандидат политических наук, научный сотрудник Дирекции приоритетных образовательных инициатив, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

e-mail: ignatov-aa@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-6740-4454

SPIN: 8071-1337

История статьи:

Рег. № 584/2025

Получена 12.09.2025

Одобрена 24.10.2025

Доступна онлайн

29.01.2026

Специальность: 5.2.5

УДК 339.9, 330.341.1,
338.24:330.341.1

JEL: F53, F55, O38

Ключевые слова:

системы поддержки принятия решений, искусственный интеллект, БРИКС, государственное управление, управление данными

Аннотация

Предмет. Применение интеллектуальных систем поддержки принятия решений в государственном управлении в странах БРИКС.

Цели. Определить сдерживающие факторы и оценить перспективы развития многостороннего сотрудничества в области внедрения решений на базе искусственного интеллекта в государственном управлении в странах БРИКС.

Методология. Исследование основано на анализе, синтезе, классификации, методах сравнительного правового анализа и анализа документов.

Результаты. Представлена классификация систем поддержки принятия решений. Определены особенности текущего этапа формирования международного режима управления развитием искусственного интеллекта. Определены основные сдерживающие факторы и потенциал развития многостороннего сотрудничества в области применения решений на основе искусственного интеллекта в государственном управлении в объединении БРИКС.

Выводы. Страны БРИКС находятся на разных уровнях зрелости национальных режимов управления развитием искусственного интеллекта. Требуется обеспечить сопоставимость требований в части безопасности данных и прозрачности алгоритмов. Россия может укрепить свои позиции за счет расширения масштабов поставок готовых решений для государственного управления.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2025

Для цитирования: Игнатов А.А. Опыт использования интеллектуальных систем поддержки принятия решений в государственном управлении в БРИКС и перспективы многостороннего сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2026. – № 1. – С. 163 – 177. DOI: 10.24891/iaajhi EDN: IOAJHI

Необходимость изучения практик применения интеллектуальных систем поддержки принятия решений (ИСППР) в государственном управлении странами – членами объединения БРИКС обусловлена совокупностью факторов, связанных с глобальной тенденцией на всестороннюю цифровизацию национальных хозяйств, а также наблюдаемым трендом на формирование глобальных правил регулирования применения цифровых систем на основе технологий искусственного интеллекта.

БРИКС, представляя собой объединение крупных развивающихся экономик с отличными друг от друга политическими и экономическими системами, находящимися на разных этапах социального и технологического развития, является уникальной лабораторией для исследования того, как ИСППР могут быть внедрены в различных сферах.

Изучение таких примеров позволит собрать ценную информацию, на основе которой будет возможно выявить наиболее успешные модели с высокой результативностью в различных условиях для дальнейшего повышения эффективности государственного управления и других отраслей национального хозяйства – здравоохранения, финансового сектора, промышленности и т.д., а также достижения целей устойчивого развития.

Анализ опыта стран БРИКС важен и в контексте формирования альтернативных подходов к защите цифрового суверенитета государства и обеспечения технологической независимости. В отличие от условной «западной» парадигмы, активно навязываемой странами Глобального Севера, страны БРИКС стремятся балансировать между импортом передовых решений и развитием собственных технологий, включая национальные стандарты и нормативно-правовую базу.

Сопоставительное исследование кейсов внедрения ИСППР в странах БРИКС может способствовать выявлению лучших практик в преодолении инфраструктурных, кадровых и регуляторных барьеров, а также в адаптации алгоритмов к многообразным источникам данных и условиям неопределенности, характерным для развивающихся рынков.

Полученные выводы могут быть применимы не только внутри объединения БРИКС, но и в более широком круге стран Глобального Юга, где аналогичные вызовы требуют комплексных решений. Таким образом, изучение применения ИСППР в странах БРИКС представляет не только академический интерес, но и практическую ценность для разработки стратегий цифрового развития, ориентированных на долгосрочную устойчивость и технологический суверенитет.

В настоящем исследовании рассмотрены кейсы Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР, Объединенных Арабских Эмиратов, Эфиопии, Ирана, Египта и Индонезии. Исследованы нормативно-правовая рамка и конкретные кейсы применения ИСППР в государственном управлении в указанных странах с опорой на метод анализа документов.

Настоящее исследование решает несколько прикладных задач, а именно:

- уточняет классификацию систем поддержки принятия решений с учетом располагаемых результатов специальных исследований;
- с опорой на международную экспертизу конкретизирует понятия «электронное управление», «электронное правительство» и «цифровое государство»;
- приводит описание прикладных кейсов применения ИСППР для решения задач государственного управления в странах БРИКС.

Новизна исследования состоит в представлении результатов анализа правовой рамки регулирования использования ИСППР в странах БРИКС, а также в представлении конкретных примеров использования ИСППР в государственном управлении в указанных странах.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

Саму по себе систему поддержки принятия решений (СППР) можно определить как разновидность компьютерных автоматизированных систем, целью которых является помощь людям, принимающим решения в сложных условиях, для полного и объективного анализа предметной деятельности. Самые ранние упоминания об опытах по созданию подобных систем относятся к 1950–1960-м гг. XX в., когда была обоснована сама возможность и практическая целесообразность построения таких систем¹.

Все многообразие существующих СППР можно классифицировать в соответствии с такими характеристиками, как способ развертывания, формат взаимодействия с лицами, принимающими решения (ЛПР), количеству участвующих сторон и др. (рис. 1).

Объектом изучения в рамках настоящей статьи являются СППР, которые непосредственно опираются в своей работе на возможности технологий искусственного интеллекта (ИИ). Такие СППР можно отнести к собственному подклассу интеллектуальных систем поддержки принятия решений (ИСППР).

В соответствии с текстом Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации (в ред. 2024 г.)², понятие «искусственный интеллект» подразумевает комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.

Исходя из принятого определения ИИ, можно дополнить приведенное ранее определение СППР. Под интеллектуальными системами поддержки принятия решений мы понимаем подкласс компьютерных автоматизированных систем, целью которых является помощь людям, принимающим решения в сложных условиях, для полного и объективного анализа предметной деятельности, выполнение функций которых невозможно без применения возможностей технологий искусственного интеллекта³.

ИСППР уже нашли применение в различных областях от здравоохранения до реального производства. При условии постоянной работы над устранением характерных для данных систем проблем (например, предвзятости на уровне алгоритмов, обусловленной особенностями используемых в работе данных) ИСППР показывают реальные положительные результаты в части повышения эффективности и точности принятия решений [1].

Одно из многих определений понятия «государственное управление» подразумевает целенаправленное организующе-регулирующее воздействие государства (через систему его органов и должностных лиц) на общественные процессы, отношения и деятельность людей [2].

Цифровизация государственного управления подразумевает внедрение цифровых технологий в деятельность государственных органов, позволяющих осуществлять качественные преобразования в реализации государственных функций и оказания государственных услуг, обеспечивать эффективное взаимодействие граждан и государства [3].

¹ Power D.J. A Brief History of Decision Support Systems. URL: <https://dssresources.com/history/dsshhistory.html>

² Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>

³ По аналогии с подходом, использованным Heeks R. и Bukht R., в исследовании определений понятия «цифровая экономика»: «Это часть общего объема производства, которая целиком или в основном произведена на базе цифровых технологий фирмами, бизнес-модель которых основывается на цифровых продуктах или услугах. Данное определение довольно расплывчато, однако оно достаточно гибко, чтобы учитывать развитие цифровых технологий и цифрового бизнеса в будущем». Схожим образом мы подходим к разграничению СППР и подкласса ИСППР, допуская, что те или иные решения на базе ИИ могут ограниченно применяться и в тех СППР, которые объективно не могут считаться «интеллектуальными», то есть их работа возможна и без использования возможностей ИИ. ИИ в данном случае выступает как фактор повышения эффективности работы, но не базовое условие работы системы как таковой.

Цифровизация государственного управления привела к возникновению новых понятий, которые также целесообразно рассмотреть в рамках настоящей работы. Речь идет о понятиях «электронное управление» (E-governance), «электронное правительство» (E-government) и «цифровое правительство» (digital government). Несмотря на внешнюю семантическую близость, сущностный анализ данных понятий показывает, что речь идет о разных уровнях внедрения цифровых технологий и разных подходах к организации процессов государственного управления [4, 5].

Электронное управление можно рассматривать как использование возможностей информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) для повышения эффективности оказания государственных услуг и обмена информацией между гражданами, бизнесом и государственными ведомствами.

Электронное правительство представляет собой более широкое в сравнении с электронным управлением понятие. Наряду с внедрением ИКТ для наращивания эффективности, электронное правительство подразумевает качественную трансформацию управленческих отношений и процессов от координации между ведомствами до вовлечения граждан в принятие решений по вопросам публичной политики и производство общественных благ.

В отличие от электронного управления, E-governance описывает не только то, как оказываются государственные услуги, но и как принимаются и исполняются решения в области государственной политики. Наконец, цифровое государство выходит за рамки цифровизованных процессов государственного управления и принятия решений и включает в себе полноценную самостоятельную управленческую парадигму, построенную на основе принципа *Digital by Design*.

Данный принцип включает системное использование цифровых технологий и данных как неотъемлемой части процесса модернизации государственного управления для создания общественных благ с опорой на экосистемный подход, управление данными как стратегическим активом и переустройство институтов и процессов с учетом особенностей управления в условиях цифровизации.

Указанные понятия хоть и не являются тождественными и взаимозаменяемыми, но их не следует также рассматривать как взаимоисключающие. Их «смысловая иерархичность» не подразумевает этапность процесса внедрения цифровых решений в государственном управлении. Развитие электронного управления, электронного правительства и цифрового государства может идти параллельно и одновременно, что нередко встречается на практике.

Оцифровка услуг и транзакций (электронное управление) может идти «снизу» и ограничиваться уровнем отдельного ведомства или даже департамента, что может выражаться в переводе конкретных ситуаций и процессов в онлайн (например, подача заявлений и запросов гражданами через онлайн-форму на официальном сайте ответственного ведомства).

Одновременно с этим могут перестраиваться управленческие процессы и схемы межведомственного взаимодействия, создаваться общие реестры данных. Параллельно «сверху» может надстраиваться структура цифрового государства – политика управления данными, механизмы обеспечения прозрачности и аудита используемых цифровых моделей и т.д.

Разграничение данных понятий в рамках настоящего исследования имеет принципиальное значение с точки зрения качественного исследования кейсов практического внедрения ИСППР в государственное управление рассматриваемых стран. Соотнесение выявленных примеров с описанной «иерархией» уровней развития цифровых решений в государственном управлении также способствует формированию более глубокого понимания особенностей текущего этапа цифрового развития стран – членов БРИКС.

Например, мы можем ожидать от стран с оценочно низким уровнем цифрового развития внедрения решений на базе ИСППР в государственное управление в небольшом масштабе, ограниченном, например, простыми формами цифрового взаимодействия между гражданами и государством (как в упомянутом случае запуска механизма сбора заявлений граждан через онлайн-форму на сайте ведомства), тогда как от стран с развитой цифровой экономикой мы ожидаем наличия конкретных решений в части управления данными, цифровыми платформами и др.

Большинство подклассов СППР сами по себе не являются объектами специального правового регулирования, однако в некоторых случаях к тем или иным разновидностям СППР применяются правила отраслевого регулирования. Например, используемые в клинических учреждениях ИСППР классифицируются как медицинские изделия и требуют соответствия правовому режиму управления использованием устройств данного класса⁴.

Еще один пример из международной практики – положения Общего регламента по защите данных Европейского союза (англ. General Data Protection Regulation, GDPR)⁵, касающиеся систем, которые могут принимать решения с выраженными правовыми последствиями для человека (например, систем кредитного рейтингования) – GDPR накладывает запрет на полную автоматизацию процесса принятия подобных решений и оставляет возможность для вмешательства человека [6].

Иная ситуация сложилась в отношении непосредственно ИСППР. Их ключевая особенность, а именно опора на возможности искусственного интеллекта, позволяет отнести их к предмету регулирования правовых норм, касающихся различных аспектов применения технологий на базе ИИ. Не все СППР попадают под действия тех или иных правовых норм, но непосредственно ИСППР почти всегда попадают под действия законов, так или иначе связанных с регулированием ИИ в рамках конкретной юрисдикции.

В настоящий момент международный режим управления развитием и применения искусственного интеллекта находится в стадии формирования, то есть за некоторым исключением мы не можем констатировать наличие единого подхода к решению возникающих в связи с развитием ИИ проблем и вызовов⁶ [7].

В то же время, уже существуют значимые примеры национальных или региональных норм, которые рассматриваются или могут в перспективе рассматриваться как разновидность лучших практик. Эффективность машинного обучения, наряду с используемыми алгоритмами, находится в непосредственной зависимости от располагаемых данных [8].

В качестве примера можно вновь обратиться к опыту GDPR, который прямо или косвенно использовался в качестве бенчмарка (применяемые подходы, определения понятий, распределение ответственности участников управления данными и др.) при разработке локальных нормативно-правовых актов по защите данных в целом ряде юрисдикций – действующие законы о защите данных в таких странах как Швейцария, Бахрейн, Израиль, Катар, Турция, Кения, Маврикий, Нигерия, Уганда, Япония, Южная Корея, Новая Зеландия, Аргентина, Бразилия, Уругвай и Канада считаются близкими к европейскому образцу⁷.

⁴ Guidance document Clinical Decision Support Software Guidance for Industry and Food and Drug Administration Staff. URL: <https://www.fda.gov/regulatory-information/search-fda-guidance-documents/clinical-decision-support-software>

⁵ General Data Protection Regulation (GDPR). URL: <https://gdpr-info.eu/>

⁶ В качестве примера подобного исключения мы можем привести Рекомендации ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта. Их неформальный статус не уменьшает значимости документа – первого в своем роде, одобренного на международном уровне – с точки зрения формирования международного режима в его каноническом определении, выдвинутом в работе R. Keohane в 1982 г.: «Международный режим – это набор явных или неявных принципов, норм, правил и процедур принятия решений, в отношении которых сходятся ожидания тех или иных акторов».

⁷ GDPR Countries 2025. URL: <https://www.gdpradvisor.co.uk/gdpr-countries>

Однако даже получивший широкое признание европейский GDPR не может считаться в полной мере образцом международного режима, поскольку значимая группа стран мира либо не имеет действующих специальных законов, касающихся управления данными, либо действующие нормативно-правовые акты не соотносятся с европейской моделью.

Например, при сравнении российского Федерального закона № 152 «О персональных данных»⁸ с европейскими стандартами исследователи хоть и отмечают общность некоторых используемых подходов, но все же не говорят об их тождественности и рассматривают эти законы именно с точки зрения сочетаемости и возможности внедрения европейских практик в российской среде в будущем [9].

С учетом принятия в 2024 г. Закона о регулировании искусственного интеллекта в ЕС, вероятно, что в ближайшей перспективе мы можем наблюдать схожий с кейсом GDPR процесс распространения норм регулирования ИИ среди юрисдикций за пределами Евросоюза [10]. Однако в настоящий момент при постановке вопроса о подходах к регулированию внедрения и применения ИСППР мы говорим о пестрой мозаике правовых режимов.

Страны – члены объединения БРИКС⁹ демонстрируют заинтересованность в развитии многостороннего сотрудничества в области высоких технологий и в особенности в сфере ИИ, о чем свидетельствует как принятая на саммите в Рио-де-Жанейро Декларация лидеров БРИКС о глобальном управлении искусственным интеллектом¹⁰, так и действующая Стратегия¹¹ экономического партнерства БРИКС до 2025 г.¹²

Однако с точки зрения общих оценок развитости правового режима регулирования использования ИИ и, следовательно, ИСППР, страны БРИКС демонстрируют значительную вариативность (табл. 1).

Ни в одной из стран БРИКС к моменту представления к публикации результатов настоящего исследования еще не принят специальный закон о регулировании искусственного интеллекта. Проекты законов о регулировании ИИ разрабатываются ответственными ведомствами или уже находятся на рассмотрении парламента в Бразилии, Китае, России, Индонезии и Египте.

Имеющиеся в открытых источниках данные позволяют выявить некоторые черты, объединяющие представленные законопроекты. Предполагается ранжирование систем на базе ИИ с опорой на результаты оценки потенциальных рисков. Законодатели стремятся обеспечить баланс между защитой интересов безопасности личности и государства и поступательным инновационным развитием отрасли, сохраняя определенные послабления для моделей на базе ИИ с низким уровнем риска.

В некоторых случаях в процессе обсуждения законопроекта (как, например, в Бразилии), прозвучали предложения ввести для низкорисковых моделей особые упрощенные правила регистрации, тем самым снижая регуляторные барьеры и издержки. В большинстве своем для моделей с открытым исходным кодом на старте не предполагается введение специаль-

⁸ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/

⁹ По состоянию на август 2025 г. постоянными странами – членами БРИКС являются Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, ОАЭ, Египет, Эфиопия, Иран и Индонезия. Статус Саудовской Аравии, получившей приглашение вступить в БРИКС в 2023 г., остается неопределенным – приглашение не было отклонено (как поступила Аргентина вскоре после президентских выборов 2023 г.), но и о вступлении в БРИКС Саудовская Аравия не заявляла.

¹⁰ BRICS Declaration on AI Governance. URL: <https://digitalpolicyalert.org/change/14377>

¹¹ На момент подготовки настоящего исследования.

¹² Декларируется приверженность сотрудничеству в сфере ИКТ, в частности в числе приоритетов было заявлено содействие диалогу в сфере развития электронных правительств. Стратегия экономического партнерства БРИКС. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/KT0SBHnIZjOpIuAj2AOXCnszNQA8u7HL.pdf>

ного правового режима (в случае ЕС, например, публикация модели с открытой лицензией не требует передачи подробной технической документации заинтересованным разработчикам).

Из-за отсутствия специальных законов режим регулирования развития ИИ в странах БРИКС формируется с опорой на действующее законодательство в смежных областях (по вопросам защиты пользовательских данных и правил их трансграничной передачи, обеспечению кибербезопасности, и др.).

За исключением Ирана, во всех странах БРИКС приняты специальные законы о защите пользовательских данных, положения которых в отношении трансграничной передачи пользовательских данных (среди прочих аспектов) непосредственно определяют особенности применения данных для разработки и функционирования продуктов на основе технологий ИИ.

Особой формой «мягкого» права выступают рекомендательные кодексы этики применения ИИ. Не во всех странах БРИКС этические нормы регулирования ИИ оформлены в виде отдельного акта, как, например, в России – в некоторых случаях этика использования ИИ определяется положениями отраслевых стратегий или представленных законопроектов о регулировании ИИ [11].

Проведенный анализ показывает, что страны БРИКС находятся на разных стадиях развития режима регулирования ИИ. Страны «старой пятерки» БРИКС демонстрируют лидерство в развитии национальной политики в области ИИ, тогда как новые присоединившиеся страны (за исключением ОАЭ) преимущественно находятся на начальном этапе данного процесса. Рассмотрим конкретные кейсы внедрения интеллектуальных решений в государственное управление в странах БРИКС.

В марте 2024 г. Высший избирательный суд Бразилии учредил Центр противодействия дезинформации и защиты демократии, на который возложены функции автоматизации обработки обращений в судебные инстанции и содействия местным судам в процессе внедрения ИИ в организацию избирательного процесса¹³.

Кроме того, Высший избирательный суд и компания Anatel заключили соглашение о техническом сотрудничестве в противодействии распространению недостоверной информации и злонамеренному использованию ИИ в ходе выборов. Соглашение предполагает принятие совместных шагов для интеграции судебной системы и платформенных решений Anatel для ускорения обмена информацией и обеспечения соответствия решениям Высшего избирательного суда¹⁴.

В случае России следует обратиться к результатам исследования уровня зрелости ИИ федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ), согласно которому в совокупности по состоянию на 2024 г. ФОИВы уже внедрили девяносто решений на базе ИИ, а еще двадцать были запланированы к внедрению¹⁵. Федеральная налоговая служба (ФНС) стала одним из лидеров в рейтинге зрелости ИИ, набрав 89 баллов из 100.

Рассмотрим один из примеров реализованных ФНС проектов по внедрению ИСППР. Начиная с 2015 г., ФНС применяет автоматизированную систему АСК НДС-2, которая используется для принятия решений по начислению/доначислению НДС и проведению камеральной проверки.

¹³ Elections 2024 – Integrated Center for Confronting Disinformation and Defending Democracy (CIEDDE). URL: <https://international.tse.jus.br/en/misinformation-and-fake-news/elections-2024-ciedde>

¹⁴ TSE e Anatel assinam acordo para reforçar o combate à desinformação com uso de IA. URL: <https://www.tse.jus.br/comunicacao/noticias/2023/Dezembro/tse-e-anatel-assinam-acordo-para-reforcar-o-combate-a-desinformacao-com-uso-de-inteligencia-artificial>

¹⁵ Индекс зрелости искусственного интеллекта федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации. URL: <https://gspm.ranepa.ru/doc/departments/ai-research/report.pdf>

Система автоматически сопоставляет счета-фактуры и декларации по всей цепочке контрагентов на основе анализа больших данных. Автоматизация позволяет снизить влияние человеческого фактора, переводя первую стадию контроля в электронный формат (например, автоматическое направление запросов на предоставление поясняющих документов, скоринг рисков, приоритизацию задач по проведению более детальной проверки обращения и др.) [12].

Отметим также кейс г. Москвы. Начиная с 2019 г., Правительство Москвы реализует программу «цифрового двойника» столицы – достоверную 3D-модель города, на которую наложены инженерные, транспортные и прочие слои данных для планирования застройки, управления транспортом / ЖКХ и иных целей. Параллельно применяется единый контур городской аналитики (например, Mos.BI) для мониторинга достижения ключевых показателей и создания дашбордов для органов управления¹⁶.

В 2023 г. в Индии на основе ИИ был создан модуль CPGRAMS для классификации и маршрутизации обращений и жалоб граждан к государственным органам касательно предоставления обязательных выплат, нарушения установленных сроков оказания услуг, ненадлежащего поведения должностных лиц и др.

Судебные разбирательства данной системой не обслуживаются¹⁷. С 2021 г. деятельность судов в Индии также опирается на решения на базе ИИ – были запущены ассистенты на базе искусственного интеллекта, в частности SUPACE (поиск релевантных материалов по делу)¹⁸ и SUVAS (переводчик актов Верховного суда на распространенные в стране языки)¹⁹.

Начиная с 2016 г., Верховный народный суд Китая реализует программу цифровизации судов с опорой на инструменты с использованием ИИ. Используемое Верховным народным судом решение позволяет осуществлять поиск аналогичных дел в базе вынесенных решений²⁰. Кроме того, с 2016 г. в г. Ханчжоу используется интеллектуальная платформа, анализирующая большие наборы данных о ситуации на дорогах и корректирующая работу светофоров для ускорения проезда спецтранспорта, включая экипажи скорой помощи, и устранения заторов²¹.

С начала 2015 г. в ЮАР работает специализированная платформа Cmore, которая консолидирует данные из разных источников для мониторинга ситуации в разных областях – от борьбы с браконьерством в Национальном парке Крюгера до распространения пандемических заболеваний. Система позволяет осуществлять совместное планирование, отслеживать ситуацию в реальном времени и распределять доступные ресурсы²².

С 2018 г. в ОАЭ функционирует интеллектуальная система Hassantuk для мониторинга возгораний и автоматической передачи информации об инцидентах в центры гражданской обороны. Система фильтрует информацию о ложных срабатываниях и поддерживает диспетчерские службы в процессе определения порядка распределения ресурсов и приоритизации инцидентов²³. С 2020 г. городской центр управления дорожным движением

¹⁶ Цифровой двойник. URL: <https://um.mos.ru/exhibits/cifrovoy-dvoynik>

¹⁷ Dr Jitendra Singh launches the Intelligent Grievance Monitoring System (IGMS) 2.0 Public Grievance portal and Automated Analysis in Tree Dashboard portal of DARPG. URL: <https://home.iitk.ac.in/~shalab/PressInformationBureau-DARPGIGMS2.pdf>

¹⁸ Enhancing the efficiency of India's courts using AI. URL: <https://indiaai.gov.in/case-study/enhancing-the-efficiency-of-india-s-courts-using-ai>

¹⁹ Use of AI in Supreme Court Case Management. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2113224>

²⁰ The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? URL: <https://iacajournal.org/articles/10.36745/ijca.367>

²¹ City brain: practice of large-scale artificial intelligence in the real world. URL: <https://ietresearch.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1049/iet-smc.2019.0034>

²² Cmore. URL: <https://www.csir.co.za/cmcore>

Дубая использует инструменты ИИ-аналитики для мониторинга трафика, предсказания возникновения заторов и оперативной поддержки решений относительно работы светофоров²⁴.

В Иране значимая в контексте поднятой темы инициатива реализуется в столице Тегеране. С 2019 г. реализуется программа Smart Tehran – «зонтичная» инициатива, которая объединяет данные и сервисы в единую инфраструктуру для принятия управленческих решений. Система объединяет более сорока различных услуг, включая механизм сбора обратной связи, а также открытые API и наборы данных²⁵.

С 2021 г. в Египте используется интегрированная система поддержки принятия решений в управлении таможенными службами Nafeza. Система позволяет осуществлять оформление необходимых документов для импорта и экспорта продукции, а также осуществляет функции риск-менеджмента, отбирая «подозрительные» декларации и оказывая иную поддержку диспетчерских служб²⁶. С 2024 г. Кабинет министров Египта занимается разработкой интеллектуальной системы прогнозирования кризисов на товарных рынках и скачков цен на основные продукты²⁷.

В 2020–2021 гг. в Эфиопии в эксплуатацию был введен комплекс, разработанный Всемирной продовольственной программой (ФАО), для оперативной оценки обстановки и планирования обработки уязвимых областей для предотвращения массовых нашествий саранчи. Решения на базе технологий машинного обучения применялись для прогнозирования мест выведения и наиболее активного размножения вредителей [13].

Начиная с 2020 г., в Индонезии функционирует национальная платформа PetaBencana, которая используется для раннего оповещения о ЧС посредством сбора и анализа сообщений жителей Индонезии из социальных платформ и мессенджеров. Система самостоятельно верифицирует сообщения и строит карту событий в реальном времени, облегчая работу экстренных служб²⁸.

В Джакарте внедряется интеллектуальная система JAKI для маршрутизации обращений граждан по ответственным ведомствам, которая также позволяет лицам, принимающим решения получать оперативные данные посредством сводных панелей отчетности об исполнении поручений²⁹.

В рамках настоящего исследования мы обратились к проблеме развития интеллектуальных систем поддержки принятия решений, отличительной особенностью которых является использование возможностей искусственного интеллекта. ИСППР попадают под действие норм, регулирующих использование решений на основе технологий искусственного интеллекта.

²³ Hassantuk, An Elaborate AI-Based Solution to Promote Public Safety. URL: <https://moi.gov.ae/en/media.center/news/7820123.aspx>

²⁴ RTA exhibits artificial intelligence initiatives, releases nol mini at GITEX 2020. URL: <https://www.mediaoffice.ae/en/news/2020/december/05-12/rta-exhibits-artificial-intelligence-initiatives-releases-nol-mini-at-gitex-2020>

²⁵ Tehran Municipality Unveils Open API Platform.

²⁶ Egypt's New Customs Facilitation System NAFEZA. URL: <https://www.trade.gov/market-intelligence/egypts-new-customs-facilitation-system-nafeza>

²⁷ Egypt to develop AI-based system for predicting commodity price crises: Cabinet's IDSC. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/3/12/515425/Business/Economy/Egypt-to-develop-AIbased-system-for-predicting-com.aspx>

²⁸ PetaBenkana.id. URL: <https://info.petabencana.id/>

²⁹ Jakarta moving ahead in developing citizen-centric digital public services. URL: <https://govinsider.asia/indo-id/article/jakarta-moving-ahead-in-developing-citizen-centric-digital-public-services>

По большинству аспектов регулирования ИИ международный режим управления еще не сложился. В ходе исследования установлено, что между странами – членами БРИКС наблюдается значительный разрыв в отношении развитости режима управления ИИ.

За исключением ОАЭ, новые присоединившиеся страны (Иран, Египет, Эфиопия и Индонезия) еще не сформировали нормативную базу для управления важными аспектами развития ИИ, в частности обеспечения прозрачности алгоритмов. В этих странах, а также в ЮАР, еще не начата активная работа по разработке собственных или адаптации международных отраслевых стандартов, применимых к ИИ.

Анализ кейсов применения ИСППР для решения задач государственного управления в странах БРИКС показал, что в большинстве своем внедряемые в государственное управление ИСППР выполняют задачи по оптимизации рутинных процессов функционирования органов публичной власти. Характерно наличие кейсов «городов-лидеров» – чаще всего столичных агломераций, которые часто играют роль полигона для испытания передовых решений.

Отметим, что даже в случае стран – членов БРИКС, демонстрирующих лидерский потенциал в части внедрения ИСППР (например, России, Китая, Бразилии), данный процесс протекает неравномерно. Доступные данные об уровне зрелости ИИ в отечественных ФОИВ говорят о том, что только треть ФОИВ (20 из 59) достигли результатов выше оценочного «начального» уровня.

Подчеркнем, что Россия занимает среди стран БРИКС одну из ведущих позиций в части общего оценочного уровня развитости цифровой экономики, куда включены показатели доступности цифровой инфраструктуры и распространенности цифровых компетенций и навыков [14].

Выявленные различия, с одной стороны, создают трудности для развития сотрудничества в рамках объединения БРИКС. Разность уровней зрелости регуляторных режимов затрудняет масштабирование доказавших свою эффективность решений. На начальном этапе требуется как минимум обеспечить сопоставимость требований относительно защиты пользовательских данных.

В некоторых случаях может потребоваться также обеспечить соответствие требованиям прозрачности алгоритмов, особенно если речь идет о системах, способных принимать решения в автоматизированном режиме.

Унификация национальных режимов управления искусственным интеллектом с опорой на наилучший доступный международный опыт должна стать одним из магистральных направлений сотрудничества БРИКС.

Необходимо сфокусировать на этом направлении работу специализированных механизмов сотрудничества БРИКС, в частности Рабочей группы БРИКС по искусственному интеллекту на базе Института сетей будущего.

С другой стороны, для России, как одного из ключевых участников объединения БРИКС, выявленные лакуны могут обернуться новыми возможностями. Во внешней политике Россия последовательно выступает в поддержку развивающихся стран мира.

Укреплению этого имиджа может поспособствовать предметная поддержка стран-партнеров в разрешении насущных проблем, в том числе с опорой на имеющийся собственный практический опыт.

В контексте темы исследования практическим выражением подобной стратегии могут рассматриваться:

- программы подготовки руководителей цифровой трансформации, специально ориентированные на потребности стран-партнеров;

- двусторонние контакты по линии компетентных ведомств по проблемам внедрения ИСППР в управление организационными процессами;
- запуск проектов по внедрению ИСППР «под ключ» в заинтересованных ведомствах стран-партнеров и т.д.

В перспективе это позволит повысить эффективность многостороннего процесса выработки общих подходов к управлению искусственным интеллектом на всем пространстве БРИКС за счет выравнивания потенциалов и гармонизации позиций на основе общности практического опыта.

Таблица 1

Сравнение отдельных параметров режима регулирования развития ИИ в странах БРИКС

Table 1

Comparison of individual parameters of AI development regulation regimes in BRICS countries

Страна БРИКС	Специальный закон об ИИ	Специальный закон о защите данных	Специальные нормы об ИИ в государственном управлении	Специальный режим «песочниц» для проектов с ИИ	Нормы о регулировании алгоритмов	Нормы об этике ИИ
Бразилия	Есть проект	2018 г.	2025 г.	2025 г.	В 2018 г. Закон о защите персональных данных дает право на пересмотр решений, принятых алгоритмом	X
Россия	Есть проект	2006 г.	2025 г.	2020 г.	2006 г. Ст. 16 ФЗ № 152 запрещает принимать решения исключительно на основе алгоритма	2021 г.
Индия	X	2023 г.	2024 г.	X	X	2021 г.
Китай	Есть проект	2021 г.	2025 г.	2024 г.	V	2021 г.
ЮАР	X	2021 г.	X	X	2021 г. Закон о защите персональных данных запрещает принятие решений с юридическим эффектом, основанных исключительно на работе алгоритма	V Этические аспекты развития ИИ рассматриваются в проекте Национальной политики
Иран	X	X	X	X	X	X
Египет	X	2020 г.	X	X	X	2023 г.
Эфиопия	X	2024 г.	X	X	V Прокламация № 1321 / 2024 устанавливает перечень прав в отношении автоматизированного принятия	X

Страна БРИКС	Специальный закон об ИИ	Специальный закон о защите данных	Специальные нормы об ИИ в государственном управлении	Специальный режим «песочниц» для проектов с ИИ	Нормы о регулировании алгоритмов	Нормы об этике ИИ
Индонезия	Проект в разработке	2022 г.	X	X	решений Закон о защите персональных данных дает право на обжалование автоматизированных решений	2023 г.
ОАЭ	X	2021 г.	2022 г.	2019 г.	Закон о защите персональных данных дает право на обжалование автоматизированных решений	2021 г.

Источник: авторская разработка

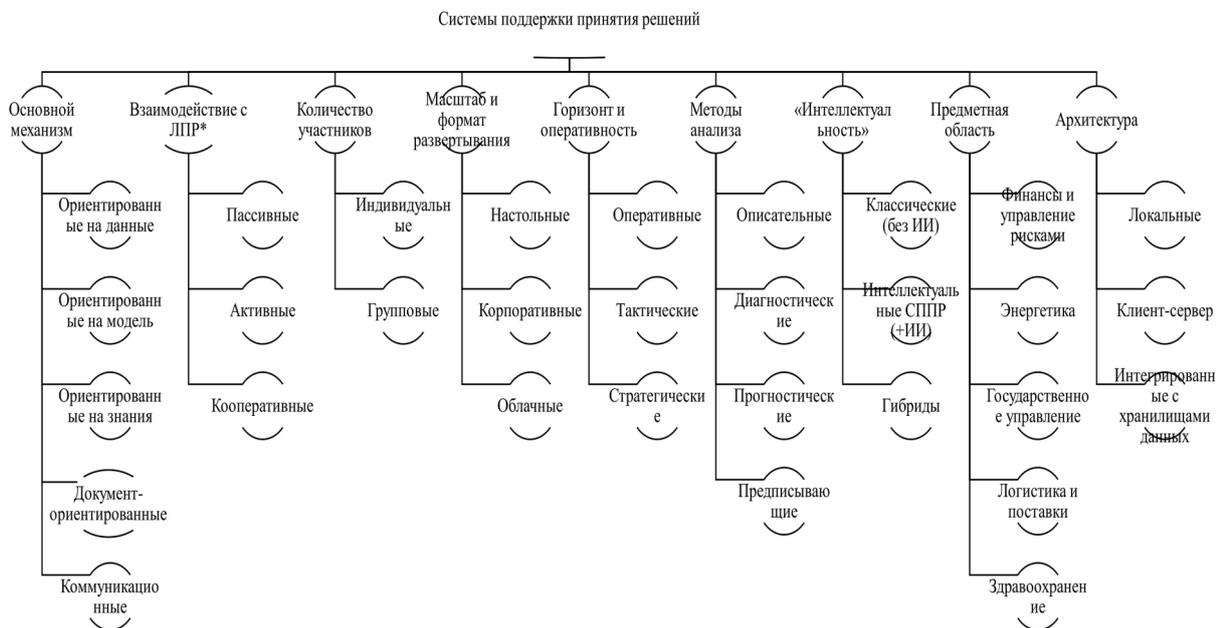
Source: Authoring

Рисунок 1

Классификация систем поддержки принятия решений

Figure 1

Classification of decision support systems



Примечание. * ЛПР – лица, принимающие решения.

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Kovari A. AI for decision support: Balancing accuracy, transparency, and trust across sectors. *Information*, 2024, no. 15. DOI: 10.3390/info15110725

2. Bukht R., Heeks R. Defining, conceptualising and measuring the digital economy. *International Organizations Research Journal*, 2018, no. 2, pp. 143–172. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07
3. Зубарев С.М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 23–32. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032
4. Grigalashvili V. E-government and E-governance: Various or multifarious concepts. *International Journal of Scientific and Management Research*, 2022, vol. 5, iss. 1, pp. 183–196. DOI: 10.37502/IJSMR.2022.5111
5. Grigalashvili V. Digital government and digital governance: Grand concept. *International Journal of Scientific and Management Research*, 2023, vol. 6, iss. 2, pp. 1–25. DOI: 10.37502/IJSMR.2023.6201
6. Соколова М.Е. Первые успехи нового европейского общего регламента по защите персональных данных // Современная Европа. 2020. № 2. С. 56–66. DOI: 10.15211/soveurope220205666 EDN: AALYIB
7. Keohane R.O. The demand for international regimes. *International Organization*, 1982, vol. 36, iss. 2, pp. 325–355.
8. Aroyo L.M., Lease M., Schaekermann M. et al. Data excellence for AI: Why should you care? *Interactions*, 2022, vol. 29, iss. 2, pp. 66–69. DOI: 10.1145/3517337
9. Денисов И.С., Ахматова Д.Р., Кабакова В.М. Сравнительная характеристика GDPR и российского законодательства о персональных данных // Экономика. Право. Общество. 2019. № 1. С. 21–27. EDN: PPBJXF
10. Быков И.А. Публичная политика развития технологий искусственного интеллекта в Европейском союзе // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2024. № 2. С. 130–144. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-130-144 EDN: JBVPW
11. Карцхия А.А., Макаренко Г.И. Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в России // Правовая информатика. 2024. № 1. С. 4–19. DOI: 10.21681/1994-1404-2024-1-4-19 EDN: NONHLC
12. Казакова М.П. Искусственный интеллект в налоговом праве: актуальная проблема 21 века // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 608–613. EDN: AWJCJA
13. Kimathi E., Tonnang H.E.Z., Subramanian S. et al. Prediction of breeding regions for the desert locust *Schistocerca gregaria* in East Africa. *Scientific Reports*, 2020, no. 10. DOI: 10.1038/s41598-020-68895-2
14. Игнатов А.А. Цифровая экономика в БРИКС: перспективы многостороннего сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 1. С. 31–62. DOI: 10.17323/19967845-2020-01-02 EDN: MEQIWM

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи, Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

EXPERIENCE OF USING INTELLIGENT DECISION SUPPORT SYSTEMS IN PUBLIC ADMINISTRATION IN BRICS AND PROSPECTS FOR MULTILATERAL COOPERATION

DOI: <https://doi.org/10.24891/iaoajhi>

EDN: <https://elibrary.ru/iaoajhi>

Aleksandr A. IGNATOV

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russian Federation

e-mail: ignatov-aa@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-6740-4454

Article history:

Article No. 584/2025

Received 12 Sept 2025

Accepted 24 Oct 2025

Available online

29 Jan 2026

JEL Classification: F53,
F55, O38

Keywords: decision
support systems, artificial
intelligence, BRICS,
public administration,
data management

Abstract

Subject. This article discusses the use of intelligent decision support systems in BRICS countries public administration.

Objectives. The article aims to identify the limiting factors and assess the prospects for the multilateral cooperation development of AI-based solutions in BRICS countries public administration.

Methods. For the study, I used the methods of analysis, synthesis, classification, methods of comparative legal analysis and document analysis.

Results. The article presents a classification of decision support systems, and defines the characteristics of the current stage of forming the international regime for managing the artificial intelligence development.

Conclusions. BRICS countries are at different levels of maturity in their national regimes for managing artificial intelligence development. . Russia can strengthen its position by expanding the scale of supplying ready-made solutions for government administration.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2025

Please cite this article as: Ignatov A.A. Experience of using intelligent decision support systems in public administration in BRICS and prospects for multilateral cooperation. *National Interests: Priorities and Security*, 2026, iss. 1, pp. 163–177. DOI: 10.24891/iaoajhi EDN: IOAJHI

Acknowledgments

This article was prepared as part of the State assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

References

1. Kovari A. AI for decision support: Balancing accuracy, transparency, and trust across sectors. *Information*, 2024, no. 15. DOI: 10.3390/info15110725
2. Bukht R., Heeks R. Defining, conceptualising and measuring the digital economy. *International Organizations Research Journal*, 2018, no. 2, pp. 143–172. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07
3. Zubarev S.M. [Legal risks of digitalization of public administration]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2020, vol. 15, iss. 6, pp. 23–32. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032

4. Grigalashvili V. E-government and E-governance: Various or multifarious concepts. *International Journal of Scientific and Management Research*, 2022, vol. 5, iss. 1, pp. 183–196. DOI: 10.37502/IJSMR.2022.5111
5. Grigalashvili V. Digital government and digital governance: Grand concept. *International Journal of Scientific and Management Research*, 2023, vol. 6, iss. 2, pp. 1–25. DOI: 10.37502/IJSMR.2023.6201
6. Sokolova M.E. [First successes of the new Pan-European general data protection regulation]. *Sovremennaya Evropa*, 2020, no. 2, pp. 56–66. (In Russ.) DOI: 10.15211/soveurope220205666 EDN: AALYIB
7. Keohane R.O. The demand for international regimes. *International Organization*, 1982, vol. 36, iss. 2, pp. 325–355.
8. Aroyo L.M., Lease M., Schaekermann M. et al. Data excellence for AI: Why should you care? *Interactions*, 2022, vol. 29, iss. 2, pp. 66–69. DOI: 10.1145/3517337
9. Denisov I.S., Akhmatova D.R., Kabakova V.M. [Comparative characteristics of the GDPR and Russian legislation on personal data]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo*, 2019, no. 1, pp. 21–27. (In Russ.) EDN: PPBJXF
10. Bykov I.A. [Public policy of the artificial intelligence development in the European Union]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, 2024, no. 2, pp. 130–144. (In Russ.) DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-130-144 EDN: JBVPUW
11. Kartskhiya A.A., Makarenko G.I. [Legal problems in using artificial intelligence in Russia]. *Pravovaya informatika*, 2024, no. 1, pp. 4–19. (In Russ.) DOI: 10.21681/1994-1404-2024-1-4-19 EDN: NONHLC
12. Kazakova M.P. [Artificial intelligence in tax law: Current problem of the 21st century]. *Voprosy rossiiskoi yustitsii*, 2020, no. 9, pp. 608–613. (In Russ.) EDN: AWJCJA
13. Kimathi E., Tonnang H.E.Z., Subramanian S. et al. Prediction of breeding regions for the desert locust *Schistocerca gregaria* in East Africa. *Scientific Reports*, 2020, no. 10. DOI: 10.1038/s41598-020-68895-2
14. Ignatov A.A. [The digital economy of BRICS: Prospects for multilateral cooperation]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, 2020, vol. 15, iss. 1, pp. 31–62. (In Russ.) DOI: 10.17323/19967845-2020-01-02 EDN: MEQIWM

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.